

**БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА С ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЦК
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЕДИНОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ
Э. ХОНЕККЕРОМ, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ГЕРМАНСКОЙ КОМПАРТИИ
Г. МИСОМ И ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЕДИНОЙ
ПАРТИИ ЗАПАДНОГО БЕРЛИНА Х. ШМИТТОМ**

3 октября 1986 года

ГОРБАЧЕВ. От имени руководства нашей партии, от себя лично рад приветствовать всех вас здесь, на этой поистине уникальной встрече. Впрочем, уникален и случай, который нас сегодня свел. Словом, получилась знаменательная, я бы сказал, историческая встреча. Она дает нам возможность еще раз показать, что коммунисты – в Советском Союзе, в ГДР, в Западной Германии и в Западном Берлине стоят вместе, плечом к плечу, хранят верность заветам Эрнста Тельмана.

В последнее время у нас состоялось немало бесед с представителями Западной Германии. И здесь, в Москве, в частности с Геншером (*Геншер, Ганс-Дитрих – в 1974-1992 годах вице-канцлер и министр иностранных дел в коалиционных правительствах ФРГ*), и в самой Федеративной Республике, о чем нам сообщает Квицинский (*Квицинский Юлий Александрович – в 1986-1990 годах посол СССР в ФРГ*). В них наши собеседники настойчиво проводят мысль о том, что от того, как будут развиваться отношения между немцами и Россией, во многом будет зависеть развитие обстановки в Европе в целом. Конечно, здесь надо разобраться, что они имеют в виду, когда говорят о нас и о немцах, что под этим подразумевают и какие цели преследуют, когда выступают за расширение контактов с нами. Но одно ясно. **Сотрудничество СССР и ГДР имеет огромное значение для социалистического содружества, да и для всей Европы. Важность развития наших отношений с ФРГ – как двусторонних, так и в рамках нашей общей скоординированной линии, а эти отношения мы развиваем на основе таких ценностей, как сохранение мира, укрепление разрядки, признание существующих реальностей и в соответствии с принципами, которые заложены в Хельсинском Заключительном акте, в двусторонних**

договорах, объясняется, прежде всего, значительным весом треугольника СССР, ГДР и ФРГ.

Из этого проистекает и особый характер сотрудничества между нашими партиями, высокая мера ответственности перед нашими народами, народами Европы и всего мира. Мы слишком много отдали для того, чтобы создать Европу, да и весь мир в целом такими, какими они сегодня предстают перед нами. Я уже не говорю о тех жертвах, которые мы понесли на этом пути.

Я размышляю об уникальном характере этой встречи. Он определяется реальным весом наших стран в европейской политике. В этом смысле еще раз хотел бы приветствовать всех вас как старых боевых друзей.

ХОНЕККЕР. Сердечное спасибо за организацию встречи в связи с открытием памятника Эрнесту Тельману. Хочу поддержать твои слова о ее уникальном характере, о значении развития отношений между нашими государствами и партиями в интересах европейской безопасности, сохранения мира во всем мире. Здесь я хотел бы вернуться к мысли, которую лишь затронул в выступлении на митинге. Речь идет о твоей инициативе встретиться с Рейганом в Рейкьявике. Не случайно, что известие об этом вызвало большой отклик в мире. Мы знаем о тех усилиях, которые были предприняты, чтобы такая встреча состоялась. Политбюро нашей партии с удовлетворением восприняло письмо, которое мы от тебя получили. И даже если встреча в Рейкьявике является только подготовкой к встрече на высшем уровне, то это ничего не меняет в том факте, что мир в этот момент меньше всего думает о встрече в США.

Герберт (*Мис*) и Хорст (*Шмитт*) согласятся со мной, что это известие повсюду встречено с удовлетворением и радостью. Во всяком случае в ГДР, среди наших трудящихся оно было воспринято со всеобщим одобрением – как успех миролюбивой политики СССР, нашей совместной линии, определенной в Будапеште.

Согласен с твоей оценкой нашей сегодняшней четырехсторонней встречи, значения углубления контактов между нашими государствами и

партиями. Западногерманская буржуазия всячески подчеркивает: если отношения между ФРГ и СССР развиваются хорошо, то и в Европе все будет идти хорошо. После поездки в Москву Геншер попросил организовать для него доверительную встречу с одним из членом нашего ЦК. Мы поручили это товарищу О. Рейнгольду, ректору Академии общественных наук при ЦК СЕПГ. В беседе с ним Геншер неоднократно подчеркивал, что его визит в Москву открыл новую главу в отношениях между ФРГ и СССР, проводил при этом мысль, что его – Геншера – заслуги в этом деле чрезвычайно велики. Но мы понимаем, что многие перемены к лучшему в ФРГ стали возможны не в последнюю очередь благодаря нашим согласованным действиям, весу нашей дружбы с СССР, с которой приходится считаться руководству Западной Германии. Примечательно, что Геншер с большим уважением вспоминал о беседах в Москве.

ГОРБАЧЕВ. Мы тут заставили его хорошенько попотеть!

ДОБРЫНИН. Он сам потом говорил об этом.

ГОРБАЧЕВ. Шеварднадзе встречался с Геншером в Нью-Йорке. Вспоминая о нашей с ним беседе (имеется в виду беседа М.С. Горбачева с Г.-Д. Геншером в Москве 21 июля 1986 года), Геншер сказал: передайте Горбачеву, что я выполнил свое обязательство, которое брал по Стокгольму. Тогда в Москве мы откровенно сказали Геншеру: мы реалисты, и знаем, что представляет собой ФРГ – экономически, политически, технологически, а значит и в военном плане. Знаем немецкий народ. Но мы не хотим получать в наших контактах с представителями нынешнего руководства страны плохой немецкий перевод того, что говорят в Вашингтоне. Мы за то, чтобы сократить дистанцию, чтобы переводить прямо с немецкого на русский. И если ФРГ будет в международных делах иметь свое собственное лицо, то это только пойдет на пользу самой Федеративной Республике.

ХОНЕККЕР. Геншер не умолчал об этих «наскоках». Он сказал Рейнгольду: я пообещал Горбачеву оказать влияние на американскую администрацию, и я это сделаю. Интересно, что он по своей инициативе

захотел проинформировать нас и предложил на будущее продолжить практику доверительных встреч.

Конечно, мы видим мотивы, которые лежат в основе таких действий. Это прежде всего предстоящие 25 января будущего года выборы в бундестаг, к которым сегодняшнее руководство ФРГ хотело бы подойти, имея авторитет ангелов-миротворцев. Тем не менее, мы приветствуем такое развитие, в том числе и в связи со встречей в Рейкьявике. Это соответствует нашей согласованной политической линии, способствует продвижению вперед на решающих направлениях обеспечения международной безопасности.

ГОРБАЧЕВ. А как смотрится из Бонна то, что мы вместе делаем?

МИС. Я придаю большое значение этой работе, имея в виду как интересы нашей партии, так и всего международного коммунистического движения. Я сейчас упрощаю, но скажу так: сегодня мы обсуждаем вопросы классовой борьбы, а через неделю товарищ Горбачев будет говорить с Рейганом о мирном сосуществовании.

Сегодня встреча с рабочими руководителями, через неделю – с представителями буржуазии. Случайно такое совпадение или нет – не знаю. Но, во всяком случае, это хороший рабочий график. Очень важно в условиях мирного сосуществования показать аспект классовой борьбы. А показывать эту взаимосвязь необходимо.

Однако вопрос мне был поставлен прямо. Я не буду говорить прописные истины о том, какое огромное значение имеет для внутриполитического развития ФРГ политика СССР и ГДР по отношению к Федеративной Республике. Благодарю Вас за очень активные всесторонние усилия в этом направлении. Во многом благодаря им у нас есть сегодня исторический шанс свернуть часть западногерманской буржуазии с курса на конфронтацию с социалистическими странами, завоевать ее на сторону мирного сосуществования.

ГОРБАЧЕВ. Ты поднял интересный вопрос. Действительно, по той большой информации, которую мы получаем от Квицинского, создается

впечатление, что западные немцы просто стучатся во все двери. Что-то там происходит, «бродит». Я еще скажу, что мы по этому поводу думаем. Сейчас же в присутствии Герберта и Хорста хотел бы отметить следующее: после XXVII съезда КПСС и XI съезда СЕПГ наше сотрудничество стало более динамичным, усилилось движение навстречу друг другу – в экономической, политической, культурной сферах, в отношениях между партиями. В этом есть и наша с Эрихом заслуга. Если мы выдержим этот курс, то впереди нас ждут еще большие достижения. Но добиться их будет нелегко. Нам многое приходится находить заново, на этом пути не исключены и ошибки. Но если мы осилим этот новый этап, а мы справлялись и не с такими задачами, то это позволит нам сделать большой рывок вперед – это будет в интересах и СССР, и ГДР, и всего соцсодружества. Здесь есть много более частных вопросов, но я думаю, что о них мы с Эрихом еще поговорим отдельно.

ХОНЕККЕР. Полностью согласен с тем, что Михаил Сергеевич сказал о новом этапе нашего сотрудничества. Таково же мнение и всего нашего Политбюро. И мы уверены, что решим все стоящие перед нами задачи. СЕПГ и КПСС понимают свою ответственность за развитие обстановки в ФРГ и Западном Берлине. Что касается СЕПГ, ГКП и СЕП Западного Берлина, то все мы не только вышли из одной партии, но и чувствуем себя как одна партия. Макс Рейман (*Рейман, Макс (1998-1977) – деятель немецкого и международного коммунистического движения, первый секретарь Коммунистической партии Германии*) в свое время был членом нашего Политбюро, и Герберт в любой момент может занять это место.

В последнее время мы ведем активный диалог с социал-демократами. Так, по просьбе Брандта (*Брандт, Вилли – в 1964-1987 годах Председатель Социал-демократической партии Германии*) мы приняли у нас всех кандидатов СДПГ на выборах в земельные парламенты. Так что наши партии играют авангардную роль в сплочении всех прогрессивных сил в Германии. В программной комиссии СДПГ активно сотрудничают наши товарищи. В истории комдвижения такого еще не было. За это боролся Эрнст Тельман в

свое время. Ты говорил сегодня на митинге о тех условиях, при которых в 1930-е годы можно было бы предотвратить войну. Тогда СДПГ боялась коммунистов как черт ладана. Пока еще Хорсту Шмитту не удалось наладить таких же деловых отношений с западноберлинской социал-демократией, но к нам ее представители приезжают довольно часто – несмотря на все наши идеологические разногласия. Социал-демократы вынуждены признать нас, потому что в этом их вынуждают внутриполитические причины. ГДР сегодня – это часть социалистического содружества, сила, с которой они не могут не считаться.

Мы в Политбюро высоко оценили результаты нашей Будапештской встречи. События последних месяцев подтвердили их верность. Большое спасибо за подробную информацию о ходе контактов с США.

ГОРБАЧЕВ. Взаимная информация значительно расширилась.

ХОНЕККЕР. Очень важно для нас было узнать о переговорах между Шульцем и Шеварднадзе. В свою очередь, мы постоянно информируем о наших инициативах и встречах, особенно с руководством западных стран – Греции, Бельгии. Эти встречи показали, что есть согласие по основным вопросам. Наша политика заставляет администрацию США и НАТО отступать, еще глубже уйти в оборону.

И причины сегодняшних изменений в позиции правительства ФРГ не только предстоящие выборы, но и перемены в настроениях тех кругов, которые определяют западногерманскую политику – в кругах промышленников. Сегодня они все активнее выступают за развитие диалога между Западом и Востоком, не хотят следовать приказам из США. Недавно у меня были беседы с Байцем (*Байц, Бертолльд – немецкий предприниматель и общественный деятель*) и Амеронгеном (*Амеронген, Отто Вольф фон – влиятельный немецкий бизнесмен*). Они прямо-таки враждебно настроены по отношению к США и высказываются за расширение экономических отношений с СССР. Говорили, что такова точка зрения большинства промышленников ФРГ.

Огромную роль для изменения умонастроений сыграл мораторий. Под его воздействием усилились дискуссии даже в лагере ХДС/ХСС. Предложение о моратории получило большую поддержку большинства населения.

Об этих изменениях под воздействием нашей политики свидетельствует Заявление «шестерки» в Мексике, итоги Конференции Движения неприсоединения в Хараре. Уже давно не было международного совещания компартий. Но XI Всемирный конгресс ВФП (*XI конгресс Всемирной федерации профсоюзов в 1986 году*) стал поистине всемирной встречей представителей рабочего движения. Причем на него съехались многочисленные посланцы профсоюзов, не входящих в ВФП. Только из США приехали представители 33 профсоюзных организаций. Я встречался с ними. При всех имеющихся разногласиях участники Конгресса единодушно приняли Совместное обращение к трудящимся мира, в котором высказывается поддержка почти всех инициатив СССР.

А возьмем Стокгольм, растущую солидарность с Никарагуа, изоляцию расистского режима Южной Африки, протесты среди членов НАТО против намерения администрации США выйти из договоров ОСВ-2 и по ПРО. Таким образом можно сказать, что перед Рейкьявиком администрация США и ее близкие союзники находятся в положении обороняющихся. Сейчас уже и Рейган подвергается в США нападкам справа из-за своего согласия ехать в Исландию.

ГОРБАЧЕВ. Один правый деятель, некто Уилл (*Уилл, Джордж Фредерик* – американский журналист, обозреватель американского еженедельника «*Ньюсук*») написал недавно в журнале «*Ньюсук*»: Горбачев притаился как кот у норы, чтобы сцепать американскую администрацию, когда она будет пробираться через завалы дела *Данилоффа* (*журналист Николас Данилов был арестован в СССР в ответ на арест в США советского разведчика Григория Захарова; впоследствии Захарова обменяли на Данилова*). До чего же мы дошли, пишет он дальше. Горбачев называет

Рейгана лжецом, а тот едет к нему на встречу. Видимо, там, в США, идет сейчас схватка.

ХОНЕККЕР. Да, и не только там. Недавно в ФРГ возник скандал вокруг высказываний Вернера и Дреггера – наиболее правых в ХДС/ХСС – против встречи. То есть крайне правые силы в США и НАТО хотели бы помешать любому шагу в деле разоружения, опасаясь далеко идущих последствий ослабления международной напряженности.

ГОРБАЧЕВ. Ты прав, они действительно боятся последствий.

И верно подметил Герберт: **борясь за мирное сосуществование, нельзя забывать классовый аспект. Чем лучше обстановка в мире, тем сильнее позиции мира, рабочего класса, освободительных движений. В условиях разрядки империализму все труднее противостоять этим движениям, в условиях конфронтации же возможности прогрессивных сил сужаются. Таким образом, существует прямая связь между борьбой за мир и классовой борьбой.**

ХОНЕККЕР. Совершенно согласен. Не случайно, что 78-80 процентов населения в Западной Европе и США высказываются в пользу моратория, и правительства этих стран не могут не считаться с этими настроениями. Так что мы можем с оптимизмом смотреть вперед. Недавно мы стали свидетелями такого уникального события, как поддержка Социнтерном мирных инициатив Советского Союза. Если исходить из того, что большинство партий, входящих в Социнтерн – рабочие партии, то здесь мы имеем пример единства действий рабочего класса в борьбе за мир. В беседе со мной Папандреу (*Папандреу, Andreas – в 1981-1989 годах Премьер-министр Греции*) сказал: без кристально ясной политики стран Варшавского Договора, без конструктивной политики Михаила Горбачева «шестерка» не смогла бы занять столь ясной позиции, как это было сделано в Мексике.

Со своей стороны, мы стараемся выдвинуть инициативы, которые также содействовали бы укреплению международной безопасности на Европейском континенте. 1 октября Президиум СДПГ одобрил проект документа о

создании в Центральной Европе зоны, свободной от ядерного оружия поля боя, разработанный представителями нашей партии и социал-демократии.

11-12 октября состоятся заключительные переговоры в Айне. Бранд сообщил, что 17 октября на международной пресс-конференции в Бонне согласованный проект будет представлен общественности. Наша согласованная политика дает свои результаты.

ГОРБАЧЕВ. Мы вышли в нашей беседе на мировую политику. Это естественно. Ведь **сохранение мира – это сверхзадача для всех нас, для ее решения необходимы совместные усилия всех нас – социалистических стран, международного коммунистического движения, освободительных движений.** Классовые интересы империалистических кругов подталкивают их к тому, чтобы сохранить атмосферу конфронтации, противодействовать силам прогресса. Поэтому инициатива должна исходить от нас. **Сегодня мы переживаем исторический, переломный момент.**

ХОНЕККЕР. Да. Это – исторический перелом, относящийся к наиболее значительным событиям за весь послевоенный период.

ГОРБАЧЕВ. Готовясь к нашей встрече, я делал заметки по вопросам мировой политики. Могу сказать, что то, что сказал Эрих, полностью совпадает по смыслу с нашими оценками и на 50 процентов – по форме. Это радует.

ХОНЕККЕР. И все-таки. Как ты оцениваешь обстановку?

ГОРБАЧЕВ. Мы взяли за правило и в наших внутренних, и во внешних делах видеть вещи такими, каковы они есть на самом деле. Устраивает нас та или иная тенденция или нет – надо смотреть на дело реально, только так можно выработать правильную политику. С апреля прошлого года мы более реалистично подходим к оценке внутри- и внешнеполитических тенденций. Это позволяет нам работать более эффективно, добиваться большего динамизма внутри страны и на международной арене.

Наш анализ сегодняшней картины мира в самых общих выражениях таков: международная обстановка остается сложной и

опасной. Главный вопрос международной политики – разоружение – по сути дела до сих пор не удалось сдвинуть с места. Не удалось не только начать разоружение, но и остановить гонку вооружений. Это то, что нас беспокоит, побуждает искать новые подходы, чтобы в этом решающем деле добиться чего-то реального. Из этого анализа можно было бы сделать и эмоциональный вывод: с этой администрацией ни о чем не договориться. Лучше подождать два года до смены руководства в США. В любом случае хуже, чем Рейган, оно не будет. Однако **трезвый политический анализ говорит: нельзя терять время. Если военно-промышленному комплексу США удастся раскрутить маховик гонки вооружений, остановить ее станет невозможно.**

Само развитие военной промышленности США достигло сегодня такого уровня, что подталкивает политическое руководство страны к тому, чтобы снять тормоза, отойти от уже заключенных договоров – об ОСВ-2, ПРО. Военной промышленности уже тесно в лабораториях, она рвется перенести эксперименты на полигоны, в космос. Ситуация очень ответственная. За два года милитаризм в США может окончательно сломать то, что его еще как-то сдерживает и тогда прийти к договоренностям станет неизмеримо сложнее.

В этой связи мы с большим удовлетворением отмечаем, что в рамках Варшавского Договора в последнее время нам удается быстрее согласовывать и динамичнее решать многие вопросы. Мы всколыхнули новые слои мировой общественности, в том числе и далекие от нас в идеологическом плане. Удалось создать фронт давления на реакцию. Опасения существовали среди широких народных масс и ранее, однако нужна была политика, которая выразила бы адекватным образом эти настроения. И очень важно, что и новые инициативы смогли привести здесь многое в движение.

Современная картина мира имеет и другую сторону – существенное изменение в соотношении общественно-политических сил в вопросах разоружения, войны и мира. Убедительным проявлением этой новой расстановки сил стали конференция стран-участниц Движения

неприсоединения в Хараре, завершение конференции в Стокгольме, 41-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, которая показала, что мировое сообщество все больше консолидируется вокруг наших предложений.

Даже в конгрессе США вспыхнули дебаты.

ДОБРЫНИН. Сенат, в котором, как известно, большинство составляют республиканцы, отменил вето Президента на введение бойкота Южной Африки.

ГОРБАЧЕВ. **Изменения происходят и в правящих кругах Западной Европы. Западноевропейская буржуазия – наиболее хитрая. Она умеет улавливать настроения людей. В Западной Европе мы являемся сегодня свидетелями первых всходов, ростков нового мышления в международных делах. Это очень важные процессы. Мы должны их всемерно стимулировать, и не словами, а конкретными делами.**

Мы приходим сегодня к выводу, хотя далеко не окончательному, о возможном начале периода дискредитации политики Рейгана. Появляются признаки изоляции американского руководства. Хотя, конечно, изолировать Америку трудно. Но **критические настроения по отношению к политике США набирают силу. Это интересное явление. Следовательно, мы действуем правильно, надо наращивать усилия на этом направлении.** Этим было продиктовано и решение пригласить Рейгана в Рейкьявик. Рейган чувствует себя неуверенно. Он не знает точно, приедет ли Горбачев в США, так как не уверен, сумеет ли предложить ему что-либо реальное в ходе переговоров.

Я хотел бы сейчас посвятить вас немного в механизм принятия нашего решения в связи со встречей в Рейкьявике. Мы получили от Рейгана ответ на наше письмо от 26 июня – ответ пустой, в котором не было даже намека на какое-то продвижение вперед. Более того, предлагалось разрушить даже то, что уже было создано – ОСВ-2 и ПРО. Надо было решать. Первый вариант нашей реакции был такой – дать рутинный ответ и покончить с этой

канителю. Но мы согласны с вами в том, что нельзя отдавать судьбы мира в руки американской администрации.

Следовательно, такой ответ не годился. Надо было продолжать оказывать давление. Поэтому я написал короткое письмо. Несколько драматизируя, я написал, что, видимо, нет другой возможности выйти из тупика, кроме совместного поиска компромисса. **Я предложил незамедлительно встретиться с Рейганом в Лондоне или Рейкьявике.**

Сначала американцы казались ошарашенными, когда Шеварднадзе передал это письмо. Но через сутки дали принципиальное согласие. Потом американцы стали обставлять свое согласие различными условиями – наговорили о Данилоффе, Сахарове (*Сахаров Андрей Дмитриевич— советский физик-теоретик, академик АН СССР, общественный деятель, диссидент и правозащитник*), Нудель, (*Нудель Ида Яковлевна советская диссидентка и правозащитница, боролась за право советских евреев на выезд из СССР*), еще о пятерых лицах, о наших 25 сотрудниках ООН. Мы почувствовали: у американцев есть интерес к встрече. Мы решили не связывать встречу ни с какими условиями, иначе ее не вывезешь – ведь всегда можно найти массу мелких вещей. Мы сказали: вы отпускаете Захарова, мы – Данилоффа. Американцы ответили: это обмен. Тогда мы предложили: вы не говорите, что это обмен, и мы не будем. На это Рейган попросил дать еще что-нибудь, иначе он окажется в сложном положении. Мы обсудили этот вопрос в Политбюро и решили пойти навстречу американцам – выдать им одного нашего человека, Орлова, который работал на США, но выдать не сразу. (*Орлов Юрий Федорович - советский физик и правозащитник, участник диссидентского движения В 1986 году Орлов был лишен советского гражданства и 5 октября 1986 года принудительно выслан из СССР в обмен на арестованного в США советского разведчика Геннадия Захарова, сотрудника представительства СССР в ООН*) Одновременно мы потребовали прекратить разговоры о выезде наших сотрудников ООН.

Три дня шла дискуссия. Но мы заняли твердую позицию.

В беседе Шеварднадзе с Шульцем – у них неплохие отношения друг с другом – Шульц сказал: если бы все это зависело только от Президента и меня... Видимо у них идет серьезная борьба. Но если бы у Рейгана не было интереса, он не поехал бы в Рейкьявик.

Во-первых, дело идет к выборам, на которых республиканцам придется вести борьбу за каждое место и в сенате, и в палате представителей. И, во-вторых, все мировое сообщество ожидает от США реальных шагов в деле улучшения взаимоотношения с СССР. Рейган пока единственный американский Президент, который не заключил ни одного соглашения с СССР.

ХОНЕККЕР. Очевидно, что Рейган находится под давлением.

ГОРБАЧЕВ. Мы используем это положение.

ДОБРЫНИН. Следует восстановить историческую правду: инициатива встречи исходила от Михаила Горбачева.

ГОРБАЧЕВ. Это будет трудная встреча.

МИС. Но это та встреча, когда мнение людей на Земле в любом случае будет: СССР, Горбачев делают конструктивные шаги, а из США, от Рейгана постоянно идут неконструктивные ответы. Чем бы ни закончилась встреча в Рейкьявике, все негативное будет приписано США, а не СССР.

ГОРБАЧЕВ. Здесь интересен вопрос, как мы рассуждали, принимая решение, о каких подводных камнях думали. Мы рассуждали так: если мы будем стремиться только к 100-процентному успеху на переговорах, а нашим партнерам не оставим и 20, то у нас ничего не выйдет. Следовательно, нужно встречное движение. Если удастся склонить американскую администрацию подписать соглашение по двум-трем вопросам, то это будет движение в нужном направлении. **Американцы всегда высчитывают, кто проиграл, кто выиграл. Мы же говорим: речь идет об общей победе, о победе разума.** Если встреча ни к чему не приведет, что тоже не исключено, тогда на пресс-конференции мы скажем: вот наши предложения, а вот позиция США.

ХОНЕККЕР. Я думаю, что очень важно попробовать сойти, так сказать, с наезженной колеи, выдвинуть новые предложения. Это может дать шанс на успех.

ГОРБАЧЕВ. Я сказал Добрынину, а Политбюро создало специальную группу для подготовки предложений: товарищ Добрынин, нам нужен прорыв, а не обычная военно-политическая вермишель.

ХОНЕККЕР. Одно из главных моих впечатлений от бесед с западными политиками за последнее время – все они так или иначе выражают свое недовольство курсом администрации США и одновременно положительно отзываются о последних инициативах Советского Союза. Это относится даже к таким консервативным политикам, как Мартенс (*Мартенс, Уилфрид – в 1979-1992 годах Премьер-министр Бельгии*) и Тиндеманс (*Тиндеманс, Лео – Премьер-министр Бельгии в 1974-1978 годах, депутат Европарламента в 1979-1981 и 1989-1999 годах*) из Бельгии, с которыми я недавно встречался.

ГОРБАЧЕВ. Нам доподлинно известно, что США хотели сорвать достижение договоренностей в Стокгольме. Но мы сняли все препятствия и проявили большую гибкость. В результате возникла ситуация, в которой американцы, если бы они сказали «нет», полностью разоблачили бы себя. Очевидно, что их союзники не согласились бы с таким подходом.

МИС. Начиная с января этого года, Советский Союз делал один исторический шаг за другим. Сначала программа освобождения мира от ядерного оружия до 2000 года, затем новые идеи, выдвинутые XXVII съездом. Но потом случилась авария в Чернобыле. Наши противники попытались использовать ее, полагая, что теперь авторитет СССР, Горбачева резко пойдет на нет, что теперь им удастся отвернуть внимание общественности от атомного оружия. Но потом последовали заявления СССР о продлении моратория, предложение о встрече в Хиросиме. И вот теперь встреча в Рейкьявике, т. е. целый комплекс новых идей. Главное – не допустить возникновения вакуума.

ГОРБАЧЕВ. То были трудные дни.

МИС. Самые трудные, и я поздравляю вас с тем, что вам удалось эти трудности преодолеть.

ГОРБАЧЕВ. Одна мысль представляется чрезвычайно важной – об огромном значении придания большего динамиза социально-экономическим процессам в социалистических странах. Наш анализ привел нас к следующему выводу: в 1970-е годы империализм пошел на разрядку. Это была интересная историческая обстановка. Социализм шел вперед быстрыми темпами, раскрывая свои преимущества, свое прогрессивное содержание. Появлялись новые прогрессивные государства. Сужалась база империалистического господства. Тогда империализм пошел на разрядку, надеясь сохранить социальный статус-кво.

Однако затем обнаружились трудности в нашем развитии, выявились экономические и социальные проблемы. Своевременно не был сделан необходимый анализ, нам не удалось оседлать научно-технический прогресс, соединить его с практикой, мы сдали динамику. Из этого наши противники сделали вывод о возможности реванша. Именно на этом этапе поднялась консервативная волна на Западе, которая не спала еще и сегодня.

И вот теперь мы развернули в наших странах работу по приданию большего динамиза всему нашему развитию, чтобы задействовать весь потенциал социализма – экономический, политический, культурный, моральный. Это курс, который получил поддержку наших народов, породил большие надежды. Больше всего наши противники боятся сегодня, что мы справимся с нашими планами. Рацирака (*Дидье Рацирака – Генеральный секретарь партии Авангард малагасийской революции, Президент Демократической Республики Мадагаскар беседовал с М.С. Горбачевым 26 сентября 1986 года*), у которого много друзей на Западе, говорил: их больше всего беспокоит, что мы справимся с нашими задачами. Они считают, что ядерной войны мы не начнем, как и американцы, поскольку это было бы

безумием. Поэтому надо продолжать гонку вооружений, изматывать нас в социально-экономической сфере, мешать нам реализовать наши социальные программы. При этом, по их расчетам, может возникнуть политическая нестабильность, соцстраны будут вынуждены идти на сотрудничество с Западом на его условиях, у них будет меньше возможностей оказывать свое воздействие на развивающиеся страны. Поэтому главное для них сегодня – помешать нам оседлать научно-технический прогресс, добиться ускорения в нашем развитии. Но вместе с тем – какой огромный интерес проявляется ко всему, что мы у себя делаем.

Загладин вернулся недавно с праздника «Униты». (*Праздник газеты «Унита» состоялся в Милане 11-16 сентября 1986 года. Делегацию КПСС возглавлял первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС Вадим Валентинович Загладин.*) В рамках этого праздника состоялась дискуссия с 1600 участниками. О чем же шла речь? Тема была «Поговорим о Горбачеве», и речь шла обо всем, что происходит в нашей стране. На трибуне сидели Загладин, Йотти, жена Тольятти, и какой-то клерикал-кремлинолог. (*Имеется в виду Карло Роньони – директор еженедельника «Эпока», клерикал-кремлинолог.*) Интерес к нашей стране огромный. Причем даже те деятели в ИКП, которые раньше заявляли о том, что реальный социализм исчерпал свой потенциал демократизма, начинают выступать в роли адвокатов Советского Союза.

Хочу подчеркнуть, что наш народ горой, стеной стоит за нашу политику. В стране идут многочисленные дискуссии, но они не носят политического характера. Один понимает хорошо суть происходящего, другой еще не совсем, а третий даже противится. Мы делаем инъекции этому процессу, хотим, чтобы он продолжался. Интересно, что люди уже привыкли к критике. Сначала многих она как бы ошарашила. Теперь привыкли. Так что капиталистам становится все труднее критиковать нас, потому что мы себя сами критикуем гораздо острее.

Вы знаете, что я недавно вернулся с Кубани (*Речь идет о пребывании М.С. Горбачева в Краснодарском крае 17-18 сентября 1986 года.*) Я не собирался выступать там. На Кубани у нас идет интересный эксперимент – целый район действует в условиях самофинансирования и самоокупаемости, и я решил поехать, посмотреть, как там идут дела. Так вот, мои встречи с людьми продолжались буквально до полуночи.

Я понял, сколько всего накопилось у народа, сколько он хочет сказать руководству.

Так что **важно еще больше раскрыть потенциал демократизма, включить его полностью в процесс перестройки.** Раньше на таких встречах, – а я всю свою жизнь встречаюсь с людьми, только положение мое сегодня изменилось, а характер бесед тот же, – народ больше помалкивал, не было диалога. Если кто и выступал, то люди с демагогическим складом, которые в основном только все ругали: куда смотрят в Москве? Это плохо, то плохо. Теперь у нас каждый раз завязывается ответственный разговор с нашим рабочим классом, нашей интеллигенцией, а демагоги уже вмешиваться боятся.

Не забуду встречу на площади Октября перед клубом – какая насыщенная получилась беседа, какие проблемы народставил.

Я был искренне обрадован, что люди так поддерживает нашу линию. Я отошел от темы. Но **я поддерживаю твою мысль, Эрих, о важности развертывания демократического потенциала наших народов.** Только так мы сможем создать тот образ социализма, о котором мы с тобой в свое время говорили.

ХОНЕККЕР. Решающий вопрос – это победить в соревновании с капитализмом. На Западе мы сейчас имеем неплохую экономическую конъюнктуру, но в то же время – миллионы безработных, неустроенная молодежь, наркомания.

ГОРБАЧЕВ. Извини, что перебиваю. Но у нас даже среди руководителей социалистических стран бытует убеждение, что капитализм сумел оседлать

научно-технический прогресс и скачет на нем. Для нас такой вывод недопустим.

ХОНЕККЕР. Недавно я встречался с генералами за мир. («Генералы за мир» - полное название «Генералы и адмиралы за мир»; нем. «Generale und Admirale für den Frieden» — основанная в 1980—1981 годах пацифистская организация, состоявшая из 15-ти высокопоставленных генералов стран-членов НАТО). Один из них, из Норвегии, спросил: господин Председатель, мы хотели бы выступить в поддержку идеи мирного договора. Правильно ли это? Я ответил: отбросьте эту идею. Вы в свое время боролись за нее, но Запад был против. Мы выступали за единое демократическое германское государство, но Запад опять был против. Чего же вы хотите теперь — чтобы мы согласились пойти у себя на безработицу, отказаться от наших достижений в здравоохранении, образовании, культуре? Мы никогда не допустим, чтобы были подорваны наши социалистические достижения. А что касается укрепления мира, то тут мы будем бороться вместе.

ГОРБАЧЕВ. Был я в Англии на заводе одного автомобильного концерна, где после 3-4 лет реконструкции переходили на выпуск новой модели — на основе гибких линий и роботизации. Я поинтересовался социальными последствиями реконструкции. Так вот выяснилось: из 211 тысяч рабочих концерна 100 тысяч пришлось уволить. Вот что такое научно-технический прогресс на Западе.

Судьбы людей через колено ломают.

Мы втянулись в соревнование с капитализмом на его условиях. Но нельзя все сводить к материальному, к вещизму. Тут они нас повесили на крючок. А социальные достижения, достижения культуры, в духовной сфере, достоинство человека, весь наш образ жизни — наши преимущества здесь мы не сумели достойно показать.

ХОНЕККЕР. Это необходимо сделать. Поэтому столь важно для нас, в том числе для дела мира, успешное решение вопросов научно-технического прогресса. Но об этом позже.

ГОРБАЧЕВ. Одна мысль, которую хотелось бы обсудить с участием Герберта и Хорста. На встрече с генеральными секретарями братских партий стран Варшавского Договора мы вместе высказали свою озабоченность судьбой комдвижения. За последние 2-3 года у меня было много встреч – с бельгийцами, англичанами, причем с Макленнаном дважды, итальянцами, французами, греками, австрийцами и т. д.¹ Всех сейчас и не вспомнишь.

Многих из них я застал в очень угнетенном состоянии. **Компартии переживают трудный этап. Социал-демократы сумели отобрать многие из тех позиций, которые всегда были крепко в руках коммунистов. Социал-демократы не стесняются идти по этим вопросам на контакты с нами. А многие компартии, чтобы своей независимостью и автономией не поступиться, – а этот синдром еще не изжит, – даже в этих вопросах не идут на сотрудничество.** Разве мы чувствуем достойный вклад в борьбу за мир таких крупных партий, как французской и итальянской? Даже у них дома?

И в самих компартиях происходят болезненные процессы. Мы думаем обо всем этом, пытаемся разобраться. Да ли поручение Добрынину, чтобы он свежим глазом взглянул на комдвижение. Видимо, необходимо сделать глубокий теоретический анализ, договориться о совместных действиях, чтобы повысить авторитет коммунистических партий.

Кое-что в этом направлении делается, в том числе вместе с вами. Но может всем нам вместе стоило бы лучше продумать эти вопросы. Сейчас же я хотел бы поделиться некоторыми предварительными соображениями.

Мы должны говорить о трудностях мирового коммунистического движения на современном этапе. Эта реальность не только в компартиях Запада. В нашем соцсодружестве нам пришлось по-новому осмыслить

¹ За 1984-1986 годы М.С. Горбачев встретился с представителями ряда коммунистических партий, в том числе с Луи ван Гейтом (Бельгия), Г. Макленнаном (Англия), А. Наттой, Дж. Черветти (Италия), Ж. Марше, Р. Леруа (Франция), А. Куньялом (Португалия), Г. Мисом (ФРГ), Х. Шмиттом (Западный Берлин), Т. Фувой (Япония), Х. Флоракисом (Греция), Г. Холлом (США), Р. Рао и Е. Намбутирипадом (Индия).

некоторые проблемы. Очевидно, что если притягательная сила реального социализма уменьшается, то и компартиям на Западе труднее агитировать за социализм, вести массы на борьбу за социалистический идеал. Я не хотел бы, чтобы обсуждая эту тему, я и Эрих были бы в роли судей, а Герберт и Хорст как бы находились на положении обвиняемых. Мы все, все несем ответственность за наше общее дело.

Нам не следует, конечно, все драматизировать, впадать в пессимизм. Но недопустимо и приукрашивание, нельзя вести себя так, будто ничего не происходит. Мне кажется, что по тем или иным причинам комдвижение запоздало со своевременным анализом современного мира и его противоречивых тенденций – как применительно к отдельным регионам, так и в глобальном плане. Это отразилось и на наших стратегии и тактике. Это касается и наших партий в социалистических странах, хотя сейчас мы вышли на правильный путь. Если говорить о коммунистах Запада, то там это отставание в анализе было, возможно, даже еще больше, чем в соцстранах.

Мне думается, что во многих компартиях, в их деятельности на первый план вышли второстепенные вопросы. В то же время были ослаблены поиски альтернативы – социалистической альтернативы, что и сегодня составляет главную задачу комдвижения. Мне думается, что **историческая ситуация сегодня такова, что капитализм, демонстрируя в развитых странах Запада свою экономическую мощь, одновременно все больше разрушает духовную сферу – культуру, демократию, мораль. Коммунисты могли бы тут сказать свое веское слово – и в плане общечеловеческих ценностей, и в плане изменения общественных отношений в интересах трудящихся.**

Или такая тема как социализм и мир. Социализм несет с собой мир, разоружение, мирное сосуществование. Империализм – милитаризацию, гонку вооружений, ограбление развивающихся стран, неоколониализм, неоглобализм. Здесь мы должны перехватить инициативу, в том числе у социал-демократов. То, что соцстраны перестраивают свою политику, создает хорошие возможности для того, чтобы голос социализма звучал громче. Наша

задача сегодня – всемерно укрепить социализм как единственную альтернативу капитализму, как спасителя человечества. Ведь еще Роза Люксембург (*Люксембург, Роза (1871-1919) – одна из наиболее влиятельных деятелей польской, немецкой и европейской революционной левой социал-демократии, одна из основателей Коммунистической партии Германии*) сформулировала мысль о том, что империализм не может развиваться без милитаризма, который является отдушиной капитала для решения его внутренних проблем. Здесь у всех у нас есть большие возможности, чтобы перехватить инициативу. Но все это пока в плане общих размышлений.

ХОНЕККЕР. Все это интересные соображения. Здесь всем нам надо хорошо подумать. Ведь речь идет об одном из главных вопросов для всего дальнейшего развития мирового коммунистического движения. Конечно, мир сегодня выглядит во многом по-другому, чем во времена Э. Тельмана. Не видеть этого может только слепой. И в этих новых условиях необходимо сделать все, чтобы люди увидели в социализме реальную альтернативу капиталистическому обществу. Этот вопрос мы уже затрагивали в наших беседах в Будапеште. Ясно одно – нужны широкие консультации. Сейчас многие братские партии провели свои съезды, материалы которых содержат немало поучительного. Коммунисты действуют в различных, очень несхожих условиях – в Латинской Америке они другие, чем в Европе, в Западной Германии отличаются от того, что мы имеем в других западноевропейских странах. Многие партии высказываются за созыв нового международного совещания. А мы все еще не можем отказаться от старых схем и подходов – обязательно хотим, чтобы в такой встрече приняли участие непременно все партии, и чтобы она завершилась принятием общего документа. Социал-демократы регулярно собираются, обсуждают вопросы и без всяких документов договариваются. Контактов между нашими партиями немало, но они в большинстве своем носят двусторонний характер. Если же партии и встречаются вместе, то главным образом на съездах.

Все современное мировое развитие требует активизации контактов между братскими партиями, широкого обмена мнениями. Важнейшим вопросом, по которому мы могли бы согласовать наши стратегию и тактику, является вопрос борьбы против угрозы ядерной войны, за обеспечение мира. Это наша общая задача, которую всем нам решать вместе, а общего понимания многих аспектов этой проблемы у нас еще нет. Так что надо проводить встречи. А то ведь и социалисты встречаются, консерваторы встречаются...

ГОРБАЧЕВ. Встречаются шестерками, семерками...

ХОНЕККЕР. Можно использовать разные формы для такого обмена опытом. Я вспоминаю, как мы проводили в Берлине конференцию, посвященную Карлу Марксу. Одних только генеральных секретарей собралось 49; приехали не только коммунисты, но и социал-демократы, социалисты. Главное – надо работать в этом направлении и работать конкретно. Находить совместные позиции. Надо всемерно стимулировать процесс сближения между партиями.

ГОРБАЧЕВ. Ты прав. Очевидно, что один из вопросов, по которым существует наибольшая близость в позициях, это вопрос обеспечения мира.

ХОНЕККЕР. Надо коллективными усилиями взяться за разработку этой проблемы, причем довести ее до практических выводов для деятельности международного коммунистического движения.

Или такие проблемы: как сочетается классовая борьба и мирное сосуществование, характер экономического соревнования между двумя системами, капитализм и национально-освободительная борьба, создание всемирной коалиции разума в борьбе за мир, против угрозы войны и т. д. Или проблема неоглобализма. При всех противоречиях, которые существуют в империалистических кругах, им удается согласовать свои позиции по принципиальным для империализма вопросам борьбы против социализма. Мы также должны более активно сверять наши позиции.

Братские партии накопили на сегодняшний день богатый опыт. Есть массовые партии с большим влиянием в своих странах, например в Греции и

Португалии. Хороших успехов добилась Германская компартия в развертывании борьбы за мир и объединение в ней широких левых и демократических сил. Интересный опыт накапливают наши товарищи в Африке, Латинской Америке – в Аргентине, Уругвае, Бразилии. Нужна только инициатива, чтобы собрать их всех вместе. Может быть, поводом для такой встречи могло бы стать 70-летие Великого Октября.

ГОРБАЧЕВ. А ведь в самом деле – 70-летие было бы хорошим поводом для встречи. И не обязательно в связи с приездом на годовщину, а в рамках целого ряда мероприятий. Например, обсудить тему: что изменилось в мире за 70 лет после Октября. И дать возможность всем товарищам широко обменяться мнениями – 2-3 дня может быть.

ХОНЕККЕР. Нужно собраться, даже если приедут не все.

ГОРБАЧЕВ. И не обязательно на уровне генсеков.

ХОНЕККЕР. На 70-летие генсеки приедут обязательно, по крайней мере две трети из них приедут.

ГОРБАЧЕВ. То, что ты сказал, перекликается и с нашими идеями. Важно было услышать, что наши мысли здесь идут в одном направлении. 70-летие Октября – это действительно повод. Разумеется, инициатива к проведению такой встречи должна исходить от нас, но было бы хорошо, если бы мы могли в приглашении сказать, что идея эта уже согласована с рядом партий, чтобы можно было бы сослаться на них.

ХОНЕККЕР. Мы готовы оказать содействие в этом деле.

ШМИТТ. Все это чрезвычайно важные идеи. Они полностью совпадают с нашими. Очевидно, что нельзя продолжать придерживаться старых форм сотрудничества. Надо видеть, что условия деятельности компартий стали чрезвычайно многообразны. Такого многообразия раньше не было. Вот мы с Гербертом действуем казалось бы в сходных условиях, но и здесь масса специфики. Разумеется, это не освобождает нас от необходимости заниматься разработкой и общих проблем. Например, что касается борьбы за мир. Борьба за мир – это в то же время важнейшая классовая борьба.

У нас в Западном Берлине мы боремся за мир, за труд, за демократические права. При этом борьбу за мир мы выдвигаем в качестве главной. Не преувеличивая могу сказать, что без СЕП Западного Берлина в нашем городе не было бы столь сильного антивоенного движения.

ХОНЕККЕР. Рейган даже не рискнул использовать автомашину, когда был в Западном Берлине, и был вынужден лететь вертолетом.

ШМИТТ. Действительно, ему пришлось сократить свое пребывание в Западном Берлине. Более 100 тысяч горожан протестовали против его визита. В то время как в начале 1960-х годов, когда к нам приезжал Кеннеди (*Кеннеди, Джон Фицджеральд (1917-1963) –Президент США в 1961-1963 годах*), его встречали на улицах 400 тысяч жителей. Что касается обмена опытом, то он необходим. Тем более что народу со специфическими проблемами, у нас есть и много общих – прежде всего общеевропейские проблемы, с которыми всем нам в той или иной степени приходится сталкиваться.

Атомный век означает новый этап в нашей борьбе, он требует от нас глобального подхода. Важно только, чтобы этот правильный тезис о новых подходах в ядерный век не оказался выхолощенным.

В этом отношении международное совещание сыграло бы огромную роль – прежде всего с точки зрения разработки долговременной стратегии борьбы за мир. Так же, как партии социалистических стран разрабатывают сегодня свою долгосрочную стратегию социально-экономического развития, нам в борьбе за мир нужна общая долговременная стратегия. Пусть даже она не будет зафиксирована в каком-либо документе.

ГОРБАЧЕВ. Здесь требуется время и дополнительные размышления. Причем, это ведь только один аспект вашей работы. Но, видимо, правильно, что мы начинаем именно с него. На другие проблемы можно было бы выйти позднее. И прежде всего на проблему убедительного показа социализма как социально-экономической альтернативы капитализму.

ХОНЕККЕР. Согласен. Этот лозунг должен обрести особую силу на фоне кризисных моментов в капиталистических странах, где мы являемся

сегодня свидетелями значительного ухудшения положения в таких сферах, как здравоохранение, образование, культура.

ГОРБАЧЕВ. А взять проблему ограбления капиталистическими метрополиями развивающихся стран. Здесь могли бы сказать свое слово представители этого региона.

ХОНЕККЕР. Есть о чем рассказать и товарищам из Латинской Америки. Не случайно, что они столь дружно требуют созыва встречи.

ГОРБАЧЕВ. Все собираются. А коммунисты погрязли в дискуссиях о самостоятельности. Партийное товарищество и общие цели – вот что лежит в основе наших отношений. Я предложил бы, чтобы на уровне наших партий был продолжен обмен по этим вопросам. Может быть, можно было бы зафиксировать наши позиции в форме какого-либо материала, тезисов, на основе которых можно было бы затем вступить в контакты, имея в виду подготовку встречи в связи с 70-летием Октября. Важно, чтобы такая встреча носила неформальный характер.

ШМИТТ. 70 лет, которые пробудили мир.

ГОРБАЧЕВ. Спасибо за встречу, товарищи. Надеюсь, что мы еще сможем продолжить обмен мнениями.

АГФ. Фонд № 1. Опись № 1.